

УДК 165:330.142

В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии,
Национальная металлургическая академия Украины*

К ГНОСЕОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Статья посвящена анализу гносеологической проблематики государственного капитализма. Представлено плюралистическое видение его разных атрибутов и модусов приверженцами основных направлений и школ современной экономической мысли – неоклассики, кейнсианства, институционализма, марксизма, неоклассическо-кейнсианского синтеза, неолиберализма, австрийской школы, поведенческой экономики, нео- и нового институционализма, международной (глобальной) политической экономии и др. Внимание акцентировано на имманентных указанным направлениям и школам методологических принципах индивидуализма, релятивизма, холизма, коллективизма, коммунитаризма, институционализма, этатизма. Обоснована приоритетная значимость методологии универсумности и интеграционизма для исследования современного государственного капитализма в глобальном измерении.

Ключевые слова: гносеология, государственный капитализм, неоклассика, кейнсианство, институционализм, методология, индивидуализм, релятивизм, холизм, коллективизм, коммунитаризм, этатизм, универсумность, интеграционизм.

Постановка проблемы. Современный образ государства в развитом капиталистическом обществе соединяет в себе черты собственника, предпринимателя, рыночного субъекта и регулятора, действующего в интересах определенных социальных слоев и общества в целом. Разумеется, в разных конкретно-исторических условиях приоритеты и акценты могут существенно различаться. Казалось бы, поскольку с фактами трудно спорить, этот образ государства следовало бы принять как данность приверженцами основных направлений современной экономической мысли – неоклассического, кейнсианского, институционального и марксистского. Но научные реалии несколько иные. Оказывается, и в фундаментальной экономической науке с фактами можно обращаться по-разному: интерпретировать, объяснять, оценивать, не замечать и т.д. Разумеется, здесь не ставится задача рассмотрения

столь обширной проблематики. Внимание акцентируется на тех методологических основаниях и теоретических схемах указанных направлений, которые *непосредственно* соприкасаются с тематикой госкапитализма.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. К сожалению, гносеологическая проблематика государственного капитализма в зарубежной литературе практически не представлена, а в постсоветской – она используется лишь в качестве вспомогательных, отрывочных фрагментов [1]. Между тем, совершенно очевидно, что столь впечатляющее присутствие государства в развитых экономиках не может быть объяснено лишь пресловутым «здравым смыслом».

Формулировка целей статьи. Поэтому цель статьи состоит в том, чтобы хотя бы отчасти восполнить указанный пробел и выделить содержание и особенности госкапиталистической проблематики в трудах видных представителей основных направлений и школ мировой экономической мысли.

Изложение основного материала. Приверженцы марксизма, особенно ортодоксального, могут возразить: «Позвольте, причем здесь неоклассика, кейнсианство и, к примеру, неоинституционализм? В их гносеологическом пространстве научная конструкция «госкапитализм» не обнаруживается. Зачем же искать черную кошку в темной комнате, тем более в отсутствие оной?» Возражение не вполне корректно. К. Маркс вряд ли «обнаружил» бы прибавочную стоимость, если бы не осуществлял научный поиск в уже сформированном его предшественниками и оппонентами теоретическом пространстве, в котором ее не было по определению. Поскольку же современные неоклассики, кейнсианцы и институционалисты изучают современную рыночную (капиталистическую – в категориях марксизма) экономику, к которой государство отнюдь не равнодушно, то, отказавшись от критического анализа методологического и теоретического багажа своих оппонентов, марксисты рискуют упустить из виду весьма важные черты современного госкапитализма, которые могут быть отражены в трудах оппонентов в опосредованном и превращенном виде. К тому же нельзя забывать об общих смитианских корнях, которые и спустя два с половиной века не утратили свою живительную силу.

Неоклассики считают себя главными и прямыми наследниками А. Смита. На мой взгляд, эта претензия чрезмерно амбициозна хотя бы потому, что ими добросовестно унаследовано отнюдь не все смитианское интеллектуальное достояние. В самом деле. В представленном в «Теории нравственных чувств» и «Исследовании о природе и причинах богатства народов» *методологически синкретично-синтетичном* учении человек – личностей, неэкономически-экономичен, его нравственность и экономизм комплементарны, а потому и

homo oeconomicus помещен в широкий социальный (общественный) контекст. Преследуя цель понять законы побеждающей феодализм капиталистической экономики и действия адекватного ей человека, А. Смит сознательно абстрагируется от «неэкономических» характеристик личности, но ни на минуту о них не забывает. Индивидуумы А. Смита – не однородные, гомогенные рыночные субъекты, а вполне реальные земельные собственники, капиталисты-предприниматели, наемные работники, чиновники, купцы и торговцы, и в этом смысле – вполне социальны. Поэтому обнаруженный неоклассиками в учении А. Смита методологический индивидуализм не столько рыночно-рационально-эгоистичен, сколько личностно-человечен. Последнее подтверждается наличием в учении А. Смита зародышей, элементов, характеристик и других методологических «измов» - холизма, коллективизма, этатизма, институционализма и др.

Если вышеупомянутое дополнить нетождественностью смитианской экономики и рынка, то вряд ли достойно удивления наличие в «Богатстве народов» *гипотетических и концептуальных схем* развиваемых и поныне теорий воспроизводства, трудовой стоимости, полезности, факторов производства, издержек, рыночного равновесия и др. Принципиально важно, что у А. Смита они не вневременны и индивидуалистичны, а, в известном смысле, конкретно-историчны (вспомним, например, заданность содержания стоимости историческими этапами эволюции товарного производства) и социальны.

В связи с этим, весьма распространенные в советский период обвинения А. Смита и Д. Рикардо в увлечении «робинзонадами» представляются несколько преувеличенными. Свобода личности в классическом либерализме А. Смита ограничена и обогащена, *во-первых*, свободой иных личностей, которые самоценны и равноценны не только в формально-юридическом, но и в социальном отношении; *во-вторых*, установлениями того социального слоя (кластера, по В. Макарову), в котором пребывает личность; *в-третьих*, «невидимой рукой» *провидения*, которая направляет человека и общество не только в рыночном пространстве, но и в других сферах жизнедеятельности – духовной, социальной, политической; *в-четвертых*, общественным договором и *государством*, как одним из его результатов и пунктов. Именно духом смитианского классического либерализма проникнут знаменитый тезис К. Маркса об обществе, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

В полном соответствии с идеалами Просвещения смитианское государство не навязывается личности извне, в том числе из миров горних, а является продуктом взаимодействия свободных личностей и изначально

призвано служити їм, підтримуючи баланс свободи і відповідальності. Навіть неповний перелік сміттанських *обязанностей государства* (держави) – захищати суспільство від насильства і вторгнення з боку інших незалежних суспільств; зберігати кожного члена суспільства від несправедливості і приниження іншими членами суспільства, встановити точне управління правосуддя; заснувати і утримувати такі суспільні установи і такі суспільні роботи, які, будучи, може бути, в самій високій ступені корисними для суспільства в цілому, не можуть, однак, своєю прибутковістю відшкодувати витрати окремого чоловіка або невеликої групи людей [2, с. 501, 512, 520]; не нести непосильний тягар управління економікою, в якій діють приватні особи [цит. по 3, с. 63-64], – свідчить, по крайній мірі, про 1) недопустимість торжества *методологічного етатизму* і тотального управління економікою і суспільством [3, с. 63]; 2) визнанні *методологічного холізму*, постулюючого існування суспільних інтересів, не зводимих до інтересів окремих індивідів, і таким чином – обмеженості *методологічного редукціонізму*; 3) необхідності існування відносно незалежних від приватних осіб доходів держави і достатньої кількості об'єктів державної власності відповідного якості, призначених захищати і приватну ініціативу, і суспільні інтереси; 4) неминучості взаємодії і співіснування приватної і державної власності, політико-правового і ринкового регулювання.

Отже, *сміттанський госкапіталізм*, діалектично заперечуючий феодалізм, достатньо органічно вписаний в широке суспільне і економічне онтологічне середовище, претендує на гносеологічну повноту в тому сенсі, що вивчається з різних методологічно-теоретичних позицій. Продиктовані реальними умовами незрілості госкапіталістичних відносин останньої третини XVIII століття і ліберальним настроєм А. Сміта незавершеність теоретичних і прикладних схем госкапіталізму лише підкреслює значущість відповідних сміттанських концептуальних і гіпотетичних конструкцій.

Вдохновлені філософським оптимізмом, досягненнями природничих наук і практично неограниченими можливостями математики, батьки-засновники *неокласичної ортодоксії* чи не усвідомлювали, що, ідеалізуючи європейську картину світу малих приватних власників середини XIX століття і беручи її за точку відліку своїх наукових конструкцій, вони відхиляються від сміттанського курсу і «лиють воду на млин» великої буржуазії. Судячи з аксіоматично заданого «жесткого ядра» ортодоксії – індивідуалізм і суб'єктивізм, раціональність і егоїзм гомогенних

рыночных субъектов, - ее приверженцы весьма добросовестно использовали «бритву Оккама» для усечения учения А. Смита по «лекалам» асоциальности, инструментализма и функциональности. Смитианский широкий общественный и экономический контекст отбрасывается за ненадобностью, а его влияние на базовые постулаты «жесткого ядра» - минимизируется.

В самом деле. Методологический индивидуализм ортодоксов внеличностен, хомоэкономизирован и редуционен, рациональность – абсолютна, эгоистична, утилитарна и гедонистична, рыночность – империалистична и вездесуща. Нормативной объявляется отнюдь не нравственность, - она выводится за научные границы, - а упомянутая рациональность.

В начале XXI века на фоне достижений экономической психологии, экономической социологии, поведенческой экономики, институционализма и эволюционной экономики указанные построения могут показаться чуть ли не экзотическими. Однако это не так. Р. Лукас сравнивает экономическую теорию с таким неким, что «можно поместить в компьютер и *прогнать* на нем», а в своих исследованиях по-прежнему преследует цель создания механического искусственного мира, населенного взаимодействующими между собой роботами [4, с. 5]. П. Кругман убедительно показывает, что суперсовременные теория эффективного рынка, модель оценки долгосрочных активов, большинство «рыночно-равновесных» моделей – навороченных красивых уравнений [5, с. 1-2], которые не содержали и намека на возможный кризис, остались верны ортодоксии. У. Хэндс обращает внимание на «нормативный поворот» в экономической науке, когда рациональность становится нормативом, идеалом, к которому должны стремиться «не совсем» рациональные индивидуумы [6]. Конечно, можно было бы продолжить перечень примеров, убеждающих в устойчивом доминировании «жесткого ядра», в том числе, в форме попыток придания ему некоего идеала. Но и перечисленного достаточно, чтобы задаться вопросом: «В чем же дело? Почему так живуча ортодоксия?»

С *собственно* гносеологических позиций совершенно очевидна ее глубокая абстрактность – отвлеченность от очень и очень многих принципиальных характеристик современной экономики. Разумеется, нельзя считать подобное абстрагирование совсем уж бесполезным. Изучение «идеального газа» в физике способствовало открытию важнейших физических законов. Идеальный рынок и рациональный индивидуум неоклассиков позволили обнаружить важные экономические феномены и закономерности, вошедшие в стандартные учебники «Экономикс». Но, по признанию большинства ученых-экономистов с мировым именем, а среди них немало и

приверженцев неоклассики, эвристический потенциал «жесткого ядра» практически исчерпан, а подавляющее число «новаций» связаны с дальнейшей математизацией отнюдь не новых научных конструкций.

В ряду многих причин живучести ортодоксии обратим внимание на некоторые, имеющие непосредственное отношение к теме настоящей статьи. *Во-первых*, «жесткое ядро» покоится не на трех, а на одном «ките» - классической и исключительной частной собственности. Некогда К. Маркс высказался в том смысле, что католическая церковь в конечном итоге может простить нападки на 99 процентов ее догматов, но, как правило, не прощает посягательств даже на один процент ее собственности и доходов. Было бы странно, если бы приверженцы капитализма не защищали его фундаментальное основание даже на фоне его реального подрыва набирающими обороты процессами обобществления производства и социализации собственности. *Во-вторых*, поскольку «расширение» государства является порождением в том числе и указанных процессов, постольку вместе с последними оно нежелательно, и, прежде всего, в теории.

Придание базовым аксиомам «жесткого ядра» и их составляющим элементам статуса теоретических абстрактных объектов (ТАО), оперирование последними с применением позитивистских и неопозитивистских «технологий» и образование теоретических схем (ТСх) – теорий рационального выбора, адаптивных ожиданий, рациональных ожиданий, благосостояния, общего рыночного равновесия и других, - делает практически невозможным эндогенизацию государства, то есть, его выведение и присутствие в таковых. Государство не является эндогенным ТАО ортодоксии. Для ее приверженцев его введение в «жесткое ядро» и наделение свойствами рационального индивидуума означало бы порождение Левиафана-себялюбца с чрезвычайными возможностями и монополией на насилие. Кто же с этим согласится?

Поскольку же государство все-таки существует и является не бесполезным для рациональных индивидуумов в качестве «ночного сторожа» их частной собственности, постольку в теоретических построениях ему отводится место *экзогенного* «стационарного бандита» (М. Олсон). Но даже такая «потусторонность» является фактом и в соответствии с позитивистскими императивами требует соответствующей интерпретации и объяснений. Последние обнаруживаются неоклассиками отнюдь не в «жестком ядре», а за его пределами, - в трудах австрийской школы и кейнсианстве. Экономические субъекты *австрийцев* – не гомогенны и не вполне рациональны. Они склонны к ошибкам, изменению своего поведения и ценностных установок во времени, что существенно затрудняет достижение общего рыночного равновесия [7, с. 71]. У *кейнсианцев* последнему препятствует фундаментальная

вероятностность и неопределенность экономических процессов и действий экономических субъектов. В теории неполной рациональности Г. Саймона предпринята попытка свести указанные положения воедино и таким образом предложить обобщенное обоснование очевидных «провалов рынка» и соответствующего государственного интервенционизма. На уровне же построения прикладных схем – эффективных экономико-математических моделей государственное вмешательство фигурирует как необходимое зло в ответ на преимущественно краткосрочные «провалы рынка», ибо в долгосрочном периоде «невидимая рука» последнего все расставляет по своим местам.

На первый взгляд может показаться, что серьезную альтернативу ортодоксии представляет *новая поведенческая экономика* с ее весьма впечатляющим «каталогом» видов иррационального поведения индивидуумов и подчеркнутой благосклонностью к государственной активности. Бихевиористы акцентируют внимание на эмпирически установленных многочисленных «аномалиях», «психологических дисфункциях» индивидуумов, т.е. иррациональностях – зависимость от точки отсчета и контекста, неприятие потерь, переключение предпочтений, эффект первоначальной наделенности, гиперболическое дисконтирование, эффект невозвратных издержек, эффект присутствия и др. [6, с. 61-62; 8, №9, с. 74-79], - что позволяет им усомниться в реалистичности одного из базовых постулатов «жесткого ядра» ортодоксии и пополнить состав «провалов рынка» поведенческой неадекватностью. Более того. Бихевиористы признают допустимыми и даже желательными любые формы государственного регулирования, обеспечивающие устранение указанных иррациональностей, в том числе, прямые запреты, налоги на «грехи», обязательность раскрытия информации о крупных сделках и др. [8, №9, с. 84-86]. Правда, предпочтение отдается политике «мягкого подталкивания», направленной, по их мнению, на повышение благосостояния индивидуумов без ограничений (или при минимальных ограничениях) их выбора [см. подробнее: 8, № 10, с. 28-32]. Но разве способно слабое, «маленькое» государство «подтолкнуть» огромную массу иррациональных индивидуумов в правильном направлении? Необходимо «большое» государство, что неприемлемо для ортодоксов. Не случайно последние критикуют бихевиористов за продвижение нового государственного патернализма. Разве это не доказывает упомянутую альтернативность бихевиоризма ортодоксии?

Не доказывает или доказывает лишь отчасти. Дело в том, что бихевиористский отход от полной рациональности индивидуумов, как чрезмерной абстракции, идеализации, является по существу дескриптивным, а не нормативным. Их идеалом остается рациональный индивидуум, *homo*

oeconomicus, а государственная активность призвана обеспечивать «рационализацию» иррациональных индивидуумов, то есть «подталкивание» нормальных иррационально-рациональных личностей в направлении всецело рациональных роботов при незыблемости постулата методологического индивидуализма. Чем не теоретическое оправдание «постчеловечизации» человека? Итак, «альтернативный» путь новой поведенческой экономики находится в границах неоклассического направления фундаментальной экономической науки.

Это верно и в отношении современного *неолиберализма*, в том числе *ордолиберализма* и теории «социального рыночного хозяйства». Разумеется, и новые условия несовершенной конкуренции и госмонополистического капитализма, которые встретил при рождении ордолиберализм, и приверженность по преимуществу континентальной исследовательской традиции наложили отпечаток на его научную программу и полученные результаты. В частности, государство ордолибералов в сравнении с ортодоксальными стандартами заметно «расширяется». Хотя принцип субсидиарности объявляется незыблемым, признается *перманентная* неизбежность участия государства в обеспечении свободы конкуренции и социальной справедливости. Ордолиберальный порядок оказывается результатом и собственно спонтанного развития, и сознательных действий государства. Правда, если у пионеров ордолиберализма государственный активизм опосредованно увязывается с общественными интересами и таким образом ставится под сомнение постулат методологического индивидуализма, то в современных условиях этот «сюжет» «отдан на откуп» развивающейся теории благосостояния и экономической социодинамике, а, вместе с неприятием государственного предпринимательства, в исследовательской программе «социального рыночного хозяйства» акцентируется именно рыночность, что вполне отвечает императивам неоклассики [5, с. 80-104] и свидетельствует об успешности обороны и контратак ортодоксии.

Это подтверждает и активно развиваемая в последние годы, претендующая на междисциплинарность концепция «*провалов государства*», которая изначально нацелена на достойный интеллектуальный ответ на многочисленные конструкции «*провалов рынка*». Следует признать, что пределы и несовершенства государства диагностированы весьма точно и со знанием дела, как будто пишут о них не последовательные рыночники, для которых государство – некий экзогенный «черный ящик», а высокопрофессиональные чиновники, находящиеся внутри ононого. Так, трудно оспорить утверждения о коллизиях государства, выступающего одновременно законодателем, исполнителем, судьей, регулятором, а также представителем

интересов разных рыночных субъектов; возможностях приватизации последними государственной машины или ее отдельных «механизмов»; реальных «искривлениях» государственных решений и действий под влиянием коррупции, рентаориентированного поведения экономических и политических субъектов, политического цикла; принципиальных различиях целевых функций государственных и частных компаний; угрозах информационной ограниченности государства и его бюрократизации [9], лоббизма и логроллинга.

Однако многообразие видов диагностированных «болезней» государства явно диссонирует с преобладающим однообразием предлагаемых методов «лечения» и «лекарственных препаратов». В провозглашаемом переходе от «государства для государства» к «эффективному государству» ключевая роль отводится его прогрессирующей маркетизации. К примеру, если в информационном отношении государство по всем статьям проигрывает каталлактике Ф. Хайека, то предпочтение следует отдавать спонтанному, а не централизованному порядку; если госкомпании руководствуются отличными от максимизации прибыли приоритетами, то желателен их перевод в рыночный режим функционирования. Подобная *маркетизация государства*, открывающая шлюзы полномасштабной маркетизации общества, вполне отвечает программе экономического империализма. Если маркетизированное государство становится все менее общественно эффективным (например, качество общественных благ ухудшается), то, по неоклассикам, степень его маркетизации все еще недостаточна, а ее темпы оставляют желать лучшего. Иными словами, государство должно быть не только прорыночным, но и рыночным (указанной установке вполне отвечают теории нового государственного управления (НГУ), в соответствии с которыми государство должно быть умелым коммерсантом и оказывать услуги гражданам на основе рыночных принципов, активно применять методы корпоративного управления и таким образом стать «суперрыночным» (Дж. Олсен) (подробнее о позитивах и изъянах НГУ см. [10])) в интересах ведущих рыночных субъектов.

Государство *кейнсианцев* является так же безусловно прорыночным, но более активным и влиятельным, чем государство неоклассиков. Ортодоксальные «безгосударственные» научные конструкции кейнсианцы считают чрезмерно абстрактными и не вполне обоснованно претендующими на статус нормативного идеала. Пытаясь приблизить свои теоретические схемы к реалиям, они, по примеру Дж. М. Кейнса, инкорпорируют в них такие ТАО, как неопределенность, вероятностность, ожидания, склонности и предпочтения, а также мультипликатор, эффективный спрос, централизованный контроль и др.

Тем самым ставится под сомнение ортодоксальный постулат рациональности индивидуумов.

В самом деле. Носители вероятностной логики и неполного знания, неоднозначно воспринимающие рыночные процессы, не могут продуцировать исключительно рациональные ожидания и предпочтения. Следовательно, такие, пусть хотя бы и отчасти иррациональные, индивидуумы своими действиями неизбежно порождают неопределенность, а их врожденная склонность к сбережениям, возрастающая с ростом их доходов, к тому же имеющая силу основного психологического закона, отнюдь не способствует необходимому росту совокупного спроса, что неизбежно приводит к неполной занятости ресурсов, в т.ч. безработице, и неполному объему производства. Отсюда – кейнсианская установка на активную борьбу государства с проблемами неопределенности (заслуживает внимания интерпретация макроэкономического подхода Дж. М. Кейнса, как стремления с помощью агрегирования повысить степень достоверности устанавливаемых закономерностей [11, с. 53]), распределения ресурсов и доходов [11, с. 49-54]. Поскольку же денежно-кредитные инструменты недостаточно эффективны, – даже нулевая ставка процента отнюдь не гарантирует повышение склонности к потреблению и побуждения к инвестированию, необходимые для стимулирования экономического роста, – постольку предпочтение отдается фискальной политике, прежде всего, манипулированию налогами и госрасходами. В условиях экономических потрясений, угрожающих существованию капиталистической системы, именно государству отводится роль спасителя и защитника.

Однако, хотя экономическая роль государства кейнсианцев является неизбежным следствием иррациональности индивидуумов и порождаемой их «неопределенными» действиями неравновесности и нестабильности, само государство не инкорпорировано в «тело» соответствующих теоретических схем и вынуждено «довольствоваться» экзогенным статусом. Напротив, в прикладных функциональных схемах государство является ведущим компонентом. Следовательно, налицо – известная несбалансированность, диспропорциональность кейнсианского учения, относительная неполнота теоретических схем в сравнении с исходными эмпирическими и итоговыми прикладными. Видимо, это связано с неизменной приверженностью кейнсианцев постулату методологического индивидуализма, который напрочь отвергает даже весьма скромный методологический этатизм.

С другой стороны, именно указанная приверженность делает совместимыми неоклассические и кейнсианские теоретические и прикладные схемы и возможными *неоклассическо-кейнсианские синтетические*

конструкції. Элементами *нового* такого синтеза являются признание не фундаментальности различий оснований микро- и макроанализа, важности межвременных процессов, эндогенности ожиданий в экономических моделях, относительной эффективности монетарной политики; включение в модели динамического стохастического общего равновесия (DSGE) переменных, отражающих некоторые параметры несовершенной конкуренции на рынках труда и товаров, неполной занятости ресурсов вследствие трений и несоответствий в процессе поиска и отбора, временной фиксации уровня цен и зарплаты [12]. Указанные модели перманентно дополняются базовыми положениями теорий рациональных ожиданий, реального делового цикла, монетаристской теории инфляции [7, с. 70] и др. и таким образом неявно предполагают *расширенное* в сравнении с ортодоксальным идеалом государство. Предполагают, но не включают. Оно остается экзогенным фактором, своеобразным «инородным органом» для «здорового тела» рыночной системы. Следует признать, что именно *абсолютизация* догмата методологического индивидуализма играет с неоклассиками и кейнсианцами злую шутку: реальное положение государства в современной экономике не реализуется адекватным образом в их научных конструкциях и моделях. Не потому ли последние не сигнализировали о грядущем новейшем кризисе и «молчат» о возможных экономических перспективах?

Нельзя сказать, что у приверженцев неоклассической ортодоксии отсутствуют неортодоксальные взгляды на ортодоксальную версию индивидуализма. К примеру, показательны в этом отношении мериторика Р. Масгрейва и знаменитая теорема К. Эрроу. Но попытки развить подобные взгляды всякий раз завершаются весьма успешно для ортодоксии, - методологический индивидуализм утверждается в новом обличье, неизменном по существу, но скорректированном по форме. Р. Масгрейв вынужден признать «общие потребности» всего лишь специальным случаем неизбежного постулата [5, с. 230], а теорема о невозможности К. Эрроу может быть весьма изящно интерпретирована как теорема о возможности (невозможного?) (По мнению А. Некипелова, «теорема «О возможности» К. Эрроу на самом деле доказывает не отсутствие рационального правила социального выбора, а ошибочность исходного предположения о существовании системы групповых предпочтений, формирующихся на основе индивидуальных предпочтений» [13, с. 103]). Всякие же *по существу* не совсем индивидуалистические претензии гетеродоксии, в лучшем случае признаются не зрелыми в том смысле, что не являются продуктом *развитой* научной конструкции, ибо таковой, разумеется, кроме ортодоксии, рожденной и развиваемой в развитом мире, в современных условиях попросту не существует. В этом контексте весьма симптоматичной

является реакция маститых приверженцев неоклассики – Р. Масгрейва, А. Некипелова, К. Эрроу и других – на концепцию экономической социодинамики (ЭСД) Р. Гринберга и А. Рубинштейна, - она признается *заслуживающей пристального внимания*, хотя и родилась не на Западе, а в России.

ЭСД бросает вызов *main stream*-у в его ортодоксальном виде. Ее ядро составляют феномен *несводимых потребностей общества* и переход от постулата методологического индивидуализма к более мягкому *принципу комплементарности индивидуальной и социальной полезности благ*, допускающему наличие групповых предпочтений наряду с предпочтениями индивидуумов. При этом комплементарность полезностей трансформируется во взаимодополняемость субъектов рыночного обмена: к совокупности индивидуумов добавляется *государство*, как рыночный субъект, миссия которого состоит в реализации нормативных интересов общества. Условия равновесия в таких обстоятельствах определяются общей формулой, в соответствии с которой предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезности [13; 16, с. 35].

За более чем 20-летний период развития, ЭСД превратилась в достаточно сложную интегративную научную конструкцию, представленную взаимоувязанными концептуальной, эмпирическими, гипотетическими, частными, фундаментальными и прикладными схемами [14, с. 83-93], в которых государство – не экзогенный «фактор», а *эндогенный* компонент. Поскольку мне уже приходилось размышлять над проблематикой и возможностями развития ЭСД [14, с. 38-95], здесь ограничусь одним замечанием. Постулируемый в ЭСД и дочерней теории опекаемых благ [15] принцип комплементарности индивидуальной и социальной полезности благ является, по мнению Р. Гринберга и А. Рубинштейна, частным случаем более общего принципа методологического *релятивизма*, который, в свою очередь, является некоторым синтезом индивидуализма и холизма [15, с. 6-17, 26-35]. Если же добавить к этому приверженность авторов ЭСД принципу методологического *субъективизма*, а также обсуждаемые в дискуссиях об ЭСД принципы методологического *коллективизма* (Э. Дюркгейм), *кластеризма* и *коммунитаризма*, то возникает интуитивное желание некоторым образом структурировать указанные «измы», в том числе и для того, чтобы на заданном ими уровне определить положение и государства, и капитализма.

Вполне резонно предположить, что указанный плюрализм методологических «измов» должен быть присущ и бурно развивающемуся *неоинституционализму* с его достаточно разнородными теориями прав

собственности, транзакционных издержек, новой экономической истории, а также новой политической экономией («политической экономикой»), которая является результатом взаимопроникновения и взаимопереплетения теорий общественного выбора, конституционной экономики, демократии, макроэкономической политики, экономики права и др. Трудно представить, что «империалистическое» проникновение неоклассической ортодоксии в нерыночные сферы не сопровождается ее обогащением и трансформацией элементами «автохтонных» для этих сфер научных конструкций. Между тем, непредубежденный анализ [16; 17, с. 554-590] показывает заметные изменения лишь «защитного пояса». В «жестком ядре» несколько модифицируется только рациональность – из полной она превращается в ограниченную с ярко выраженными кейнсианскими признаками. Но из последней неoinституционалисты «выводят» не государство, а *институты*. «Эта ограниченная способность в сочетании с неопределенностями при расшифровке поступающей извне информации порождает правила и процедуры, призванные упростить данный процесс. Возникающая вследствие этого совокупность институтов структурирует человеческое взаимодействие и тем самым ограничивает набор выборов, с которыми сталкиваются индивиды» (Д. Норт [18, с. 43]).

Таким образом, ограниченная рациональность делает человека менее свободным, ибо сужает поле его выбора посредством институтов. В соответствии с незыблемым и для неoinституционалистов постулатом *методологического индивидуализма* и его более мягкой версии – *институционального индивидуализма* (по справедливому замечанию С. Кирдиной, институциональный индивидуализм, который в зарубежной литературе заявлен как «срединный путь» между методологическим индивидуализмом и методологическим холизмом, на самом деле является более мягким вариантом методологического индивидуализма, когда микро- и «макроэкономические эффекты должны быть представлены как результат взаимодействия отдельных акторов в рамках существующих институтов» (В. Полтерович), поскольку внимание по-прежнему фокусируется на фигуре *homo oeconomicus* [7, с. 76-78]), - институты – и формальные, и неформальные, - являются результатом взаимодействия *homo oeconomicus*-ов по критерию максимизации их выгод, а потому институты в значительной мере экономизированы и декультурированы. Но, если методологическое основание неoinституционализма столь *монистично*, как объяснить *разнообразие* его теоретических и прикладных схем? Разумеется, дело не только и не столько в «примесях» иррациональности, которым, как известно, несть числа. Весьма значимыми «побочными продуктами» экономического

империализма являються елементи меж- і мультидисциплінарності. Расширяясь вовне, в институциональную среду нерыночных сфер (политика, право, государство, культура, семья и др.), неоклассика вынуждена трансформироваться.

Следовательно, и благодаря, и вопреки методологическому индивидуализму высвечиваются новые грани современных капиталистических государства и рынка. Так, приверженцы *теории прав собственности*, опираясь на безусловный примат частной собственности и небезосновательно претендуя на реалистичное описание ее строения, как формального института, изучают различные аспекты распределения прав собственности между экономическими субъектами, в число которых попадает и «экзогенное» государство. Уже в силу обретения по результатам такого распределения некоторых прав частных собственников последнее становится собственником, пусть даже и частичным. С другой стороны, подобным образом могут перераспределяться права и государственной, и коллективной собственности.

Может быть, неожиданным образом приверженцы теории прав собственности, не покидая *политико-правовую* сферу, подсказывают марксистам идею сложного строения базовых *социально-экономических* отношений присвоения. В самом деле, должны же правовые формы собственности отражать соответствующие аспекты ее социально-экономического содержания, пусть даже и превращенным образом. Следовательно, идея молодого К. Маркса о собственности как системе производственных отношений получает импульсы дальнейшего развития.

Государство является важным «фигурантом» и *теории трансакционных издержек*. В случае ненулевых трансакционных издержек именно государство, кстати, также «экзогенное», а не рынок, призвано закреплять права собственности на ресурсы за теми экономическими субъектами, которые смогут извлечь из их использования наибольшую выгоду, причем оно вправе действовать не только рыночными, но и прямыми административными методами [17, с. 556-557]. Поскольку же в реальной экономике трансакционные издержки не равны нулю по определению, постольку, по логике указанной теории, государство является постоянным и отнюдь не пассивным субъектом присвоения и распределения прав собственности, в том числе частной.

Для проблематики госкапитализма весьма значимыми представляются и следующие положения *теорий общественного выбора, конституционной экономики и демократии*: о государстве как сложно структурированном субъекте политико-экономических действий, а не «едином и неделимом» «черном ящике»; экономических аспектах прямой и представительной демократии, оппортунистическом и рентоориентированном поведении,

доминировании «групп интересов»; универсальном и деперсонифицированном механизме взаимодействия экономических субъектов и чиновников; конструктивистских аспектах общественного договора; «цене» услуг демократического государства, стремящихся к издержкам их производства и оказания; различных формах производственной демократии; компромиссе при разграничении сфер, в которых доминируют разные критерии справедливости; необходимом переходе от консультирования политиков к консультированию широких общественных групп по вопросам политики; особенностях трансформации порядка ограниченного доступа в порядок открытого доступа (Порядок открытого доступа «не требует всеобщего доступа; не требует он и уничтожения любых привилегий; он требует лишь того, чтобы достаточно большой процент населения имел возможность по своей воле создавать политические, экономические и другие организации. Расширение элитных прав на все большие группы населения ускоряется после того, как внедряется и закрепляется само понятие о гражданских правах. Как только права гражданства получают безличное определение, логика открытого доступа начинает внушать мысль о том, что эти права в условиях более широкой политической и экономической конкуренции будет обеспечивать куда проще» [19, с. 325]) [16, с. 335-337, 359; 17, с. 575-577].

В последние годы экспансия неоинституционализма сопровождается его заметным сближением с *новым институционализмом* – наследником институционализма классического. Примечательно, что одним из пионеров такого сближения стал Д. Норт. В своих недавних работах он формулирует не только вполне обоснованные «претензии» к ортодоксии, но и выходящие за ее пределы методологические идеи. Речь идет о признании экономики неэргодической системой, непостоянной и изменчивой во времени, радикальном влиянии на индивидуальный выбор альтруизма, самоограничения и идеологии, восприятии мира индивидуумом на основе имманентных ему ментальных конструкций, влиянии институтов на его поведение, создании формальных институтов в интересах отдельных «групп влияния», роли насилия в экономическом развитии [20]. Таким образом, государство имеет дело не с *экономическими* субъектами, а действующими в экономике *личностями*. Разумеется, у Д. Норта последние еще далеки от реальной органичности и гармонии, но, видимо, Рубикон уже перейден.

То, что для некоторых неоинституционалистов – переход через Рубикон, для большинства новых институционалистов – повседневная исследовательская практика. В их *homo institutus* доминирует личностная составляющая, что делает его *социально-институциональным*, а не *экономико-институциональным*, как у неоинституционалистов. Изначально акцентируются неформальные

институты (традиции, обычаи, нравы и т.п.) и проблематика соответствия им институтов формальных, продуцируемых *государством*. Институты «пронизывают» все сферы жизнедеятельности, а потому «все институты можно в той или иной мере назвать экономическими институтами. И это неизбежно, поскольку точкой отсчета служит органическая целостность всех мыслительных стереотипов, сформированных в прошлом» (Т. Веблен) [21]. Следовательно, экономические институты могут иметь и преимущественно неэкономическое происхождение, а любой экономический ноумен, феномен, процесс, результат – в той или иной степени институционален. Экономическая деятельность актора во многом определяется уже существующими и возникшими до его появления институтами, поэтому ему практически невозможно избежать *государственного* влияния. Именно институты известным образом детерминируют взаимосвязи между акторами, способствуют прозрачности и предсказуемости их действий.

Указанные положения являются общими для всех составляющих новый институционализм современных научных конструкций – регуляции и дирижизма, конвенций (соглашений), организаций, постиндустриального общества, эволюционных, благосостояния. Доказывает ли сие *общее* господство какого-либо одного методологического «изма»? В литературе последних лет предпринимается попытка утвердить в качестве такового *холизм*. Сторонники *одной* из его версий считают, что при анализе человеческих действий необходимо принимать во внимание объекты, частью которых эти действия являются (группы, ассоциации, партии, корпорации, государство), и которые определяют набор ограничений для указанных действий [7, с. 76]. Индивидуумы здесь находятся в институциональной среде, формируемой практически вне их участия. Согласно *другой* версии, государство является неким коллективным субъектом, в отношении которого трудно определить персональную ответственность [7, с. 76], а потому во взаимодействии индивидуума с внеперсональным субъектом первый всегда более уязвим.

На мой взгляд, нельзя оставлять без внимания главный постулат холизма – превышение целым суммой его компонентов на величину эмерджентного эффекта. В этом смысле государство, как результат общественного договора, призвано представлять не только общие для всех индивидуумов интересы, но и те эмерджентные общественные, которые не могут быть редуцированы к индивидуальным. Речь идет не просто о несводимых общественных интересах в категориях ЭСД, а *особых интересах государства*, как агрегированного субъекта. С учетом же сложного строения последнего, указанные интересы не могут не формироваться, в том числе, и под влиянием образующих этот агрегат «элементарных» субъектов. Не исключено, что указанные положения могли бы

усилить концепцию методологического институционализма С. Кирдиной, который, по ее мнению, выступает реализацией методологического холизма в экономических исследованиях [7, с. 78-83].

Но исчерпывает ли холизм методологические основания нового институционализма? По-видимому, нет. Теориям *регуляции* и *дирижизма* близок методологический этатизм, поскольку государство является преимущественно внешним по отношению к экономике интервентом. Теории *организаций* в той или иной форме опираются на постулат методологического коллективизма. В *эволюционной* экономике, с одной стороны, признается существование институтов, независимых от индивидуумов, а с другой, - констатируется, что в процессе институционально оформленного обучения и конкурентного взаимодействия, в том числе, посредством политического предпринимательства, индивидуумы изменяют институты и таким образом являются активными участниками их селекции, отбора, выращивания. Как видим, здесь тесно «сосуществуют» методологический холизм и методологический индивидуализм. Это верно и в отношении ряда теорий второй половины XX века – конвергенции, демократического капитализма, народного капитализма, плановой системы. В начале нынешнего века они не получили конкурентоспособного развития, а теории постиндустриального, информационного, технотронного общества, общества «третьей волны» и др. - в значительной мере «декапитализированы».

Обозначенные в неoinституционализме междисциплинарность и интеграционизм более рельефно представлены в современной *международной* (глобальной) *политической экономии*. На ее «площадке» достаточно свободно дискутируют приверженцы разных методологических «измов», а в теориях глобализации, неоконвергенции, гегемониальной стабильности, открытой экономики и других обнаруживаются весьма неожиданные симбиозы и сплавы идей приверженцев внешнеполитического реализма, либерализма, марксизма, рационального выбора и социального конструктивизма. В сравнительной политической экономии анализируются разные «варианты капитализма», национальные альтернативные организации экономической системы и их взаимосвязи с политическими режимами, а также процесс глобализации и каналы его воздействия на национальные системы. Тематика государства ограничивается изучением переговоров между правительствами и институтов политики [16, с. 342-344].

Непосредственно, так сказать, в автохтонных категориях, госкапитализм изучается только в *марксизме*. Хотя в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса концепт «госкапитализм» не встречается, его базовые содержательные характеристики обозначены недвусмысленно. *Во-первых*, на определенной степени

обобществления производства и капитала обнаруживаются пределы акционерной формы, так что государство вынуждено не только взять на себя *руководство* средствами производства, но и полностью огосударствит их, то есть стать их *собственником*. Но огосударствление является прогрессивным только при условии *экономической неизбежности*, соответствия императивам реального обобществления, а не конъюнктурных политических и/или финансовых соображений. Только тогда оно станет очередным шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы.

Во-вторых, превращение в госсобственность производительных сил отнюдь не уничтожает их капиталистического характера точно так же, как и буржуазной природы государства. Оно остается государством капиталистов, идеальным *совокупным капиталистом*. Чем больше производительных сил оно возьмет в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать.

В-третьих, госсобственность на производительные силы не разрешает конфликтов капитализма, но содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения. Если пролетариат берет государственную власть, то, прежде всего, превращает средства производства в госсобственность [22]. При условии незрелости реального обобществления производства, последняя становится всего лишь формой *всеобщей частной собственности*, образующей базис грубого и неосмысленного коммунизма [23] – первого неразвитого и примитивного этапа длительной исторической эволюции посткапиталистического общества. Это, в частности, означает возможность сосуществования и взаимодействия государственной и частной капиталистической собственности, постепенного утверждения лидерства первой по отношению к последней.

В. Ленин называет госкапитализмом «тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо подчиняет себе те или иные капиталистические предприятия» [24], а также признает и контролирует его на пользу буржуазии и против пролетариата [25]. Достаточно подробно В. Ленин характеризует три исторических *типа* госкапитализма – монополистический (империализм), государственно-монополистический и госкапитализм эпохи Октябрьского переворота. Последний является государственно-монополистическим капитализмом «под контролем и регулированием пролетарского государства» [26], то есть представляет собой один из общественно-экономических укладов, наряду с патриархальным, мелкотоварным, частнокапиталистическим и социалистическим [27].

В советский период активно развивалась теория государственно-монополистического капитализма, встречавшиеся же за рубежом концепции госкапиталистической природы советского строя отметались с порога как антинаучные и враждебные. В постсоветской литературе проблематика госкапитализма не стала сколько-нибудь заметной, разве что в контексте изучения многоукладности советской и современной украинской экономики [см., например, 28]. При этом госкапиталистическая собственность рассматривается как нечто единое и неделимое, а конкретно-экономический анализ форм и методов государственного регулирования экономики явно уступает кейнсианским и неоинституциональным разработкам.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Подведем итоги. Рассмотренные гносеологические аспекты проблематики госкапитализма характеризуются *универсумностью* и методологической *плюралистичностью*. В большей или меньшей степени, но государство фактически помещено в широкий универсумный контекст, а его активность изучается в отношении не только экономики, но и политики, социальности, духовности. О подобном своеобразном «всеприсутствии» государства свидетельствует не только вышеизложенное, но и перечень его практически неоспоримых *функций*: 1) формирование законодательства, обеспечение законности и правопорядка, разрешение споров на основе законов (суд), принуждение к исполнению законов и судебных решений, защита прав собственности (функции «ночного сторожа»); 2) оборона и безопасность, защита от внешних угроз; 3) обеспечение макроэкономической стабильности, устойчивости национальной валюты, недопущение значительной инфляции; 4) содействие формированию институтов, полезных для развития экономики и общества, их адаптация к меняющимся условиям, проведение необходимых реформ; контроль над монополиями защита конкуренции; 5) оказание публичных услуг (здравоохранение, образование и др.), с целью предоставления их в том числе и тем гражданам, которые не в состоянии оплачивать их по реальной стоимости; 6) защита социально уязвимых слоев населения, предоставление им социальных гарантий; перераспределение первичных доходов с целью «социального выравнивания»; 7) защита природы, обеспечение экологической безопасности; 8) содействие развитию экономики, эффективным структурным сдвигам (структурная, промышленная, инвестиционная и др. политика); 9) предупреждение или устранение т.н. «провалов рынка», в т.ч. посредством прямого государственного контроля над ценами, зарплатой, нормирования потребления отдельных благ и т.п.; 10) государственное предпринимательство (примечательно, что представленная масштабная картина государственной

активности принадлежит перу столь не лояльных к государству неолибералов) [29, с. 4-5; 3, с. 84].

Весьма симптоматично, что изучение даже сугубо рыночной активности государства сталкивается с труднопреодолимыми методологическими ограничениями. Методологический индивидуализм все более напоминает своеобразное «прокрустово ложе», и для достижения большей реалистичности и практичности своих научных конструкций даже неоклассики вынуждены использовать элементы методологического холизма, релятивизма, этатизма, коммунитаризма. Правда, их применение достаточно ограничено и гносеологически, - «в ходу» лишь их отдельные элементы, и онтологически, - в поле зрения исследователей находится «надводная часть» экономического и общественного «айсберга». В марксистской литературе акцентируется «подводная часть» последнего, однако ее образ не столь современен и конкурентоспособен, а на фоне исследований глобального капитала государство и госсобственность предстают неким неразличенным и неструктурированным целым.

Таким образом, развитие современной теории госкапитализма видится на путях *изучения* не только государства, но и национального капитализма в широком глобальном, общественном, универсумном контексте; строения и структуры глубинных оснований госкапитализма, их переходных и поверхностных форм; *использования* в этих целях инструментария *универсумного* подхода и методологического *интеграционизма*.

Список использованной литературы

1. Бузгалин А.В. Глобальный капитал. В 2-х тт. - Т.2 / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 453-460.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 684 с.
3. Гринберг Р.С. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика / Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн. – М.: Институт экономики РАН, 2008. – 482 с.
4. Кэй Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки / Дж. Кэй // Вопросы экономики. – 2012. – № 5. – С. 4-13.
5. Кругман П. Почему экономическая наука бессильна. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.slon.ru> от 9 сентября 2009 г. – Загл. с экрана.
6. Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики. – 2012. - № 10. - С. 52-75.

7. Кирдина С. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. – 2013. - № 9. – С. 66-89.
8. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм // Вопросы экономики. – 2013. - № 9. – С. 66-90; № 10. – С. 28-46.
9. Радыгин А.Д., Энтов Р.М. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. – 2012. - № 12. – С. 4-30.
10. Бочарова А.К. Развитие института оценки эффективности государственного управления // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. - № 9. – С. 69-75.
11. Макашева Н.А. Неопределенность, вероятность, этика: Дж. М. Кейнс, Л. Мизес, Ф. Найт // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 47-65.
12. Вудфорд М. Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза // Вопросы экономики. – 2010. - № 10. – С. 17-30.
13. Рубинштейн А.Я. Рождение теории. Разговоры с известными экономистами / А.Я. Рубинштейн. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2010. – 224 с.
14. Тарасевич В.Н. Экономико-теоретическое знание: опыт философско-научного тестирования / В.Н. Тарасевич. – Днепропетровск: ТОВ «Типографія «Україна»», 2014. – 110 с.
15. Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии / А.Я. Рубинштейн. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 60 с.
16. Либман А.М. Политико-экономические исследования: обзор и некоторые приложения / А.М. Либман // Труды семинара «Теоретическая экономика» / Под ред. А.Я. Рубинштейна. – М.: ИЭ РАН, 2008. Книга II. – С. 321-398.
17. Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А.Н. Олейника. – М.: ИНФРА-М., 2005. – 704 с.
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – 190 с.
19. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. - 478 с.
20. Заостровцев А.П. Дуглас Норт: бегство от неоклассического мейнстрима / А.П. Заостровцев // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 140-150.
21. Veblen T. Why is Economics not an Evolutionary Science? / T. Veblen. - The place of Science in Modern Civilization and Other Essays: New York, Russel and Russel. – 1961. – P. 72-73.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 19. – С. 288-292.

23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 114-116.
24. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 84.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 48.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 8.
27. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 207.
28. Покрытан А.К. О характере производственных отношений в современной Украине / А.К. Покрытан // Экономика Украины. – 1999. - № 10. – С. 61-69.
29. Ясин Е. Государство и экономика на этапе модернизации / Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2006. - № 4. – С. 4-30.

References

1. Buzgalin, A., Kolganov, A. (2014), *Globalni capital. V 2 tt. T. 2* [Global capital In 2 vol. V. 2], LENAND, Moscow, Russia.
2. Smith, A. (1962), *Issledovanie o prirode i prichinach bogatstva narodov* [Research about the nature and genesis of the wealth of nations], Socegziz, Moscow, USSR.
3. Grinberg, R., Rubinstein, A. (2008), *Osnovaniya smeshannoy economici. Economicheskaya sociodinamica* [Foundations of the mixed economy. Economic Sociodynamics], Institut economici RAN, Moscow, Russia.
4. Key, J. (2012), “The map is not the territory: about the condition of the economics”, *Voprosy ekonomiki*, vol. 5, pp. 4-13, Moscow, Russia.
5. Krugman, P. (2009), *Pochemu ekonomicheskaya nauka bessilna* [Why the economics is weak], available at: <http://www.slou.ru>. (Accessed 9 September).
6. Hands, U. (2012), “The normative theory of the rational choose: past, present and future”, *Voprosy ekonomiki*, vol. 10, pp. 52-75, Moscow, Russia.
7. Kirdina, S. (2013), “Methodology individualism and methodology institutionalism”, *Voprosy ekonomiki*, vol. 9, pp. 66-89, Moscow, Russia.
8. Kapelyushnikov, R. (2013), “The behavior economics and “new” paternalism”, *Voprosy ekonomiki*, vol. 9, pp. 66-90; vol. 10, pp. 28-46, Moscow, Russia.
9. Radigin, A., Entov, R. (2012), “The state's failure: theory and policy”, *Voprosi ekonomiki*, vol. 12, pp. 4-30, Moscow, Russia.
10. Bocharova, A. (2013), “The development of the institute estimation of the state's government efficiency”, *Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnoscheniya*, vol. 9, pp. 69-75, Moscow, Russia.
11. Makasheva, N. (2013), “The indeterminacy, probability, ethics: J.M. Keynes, L. Mises, F. Knight”, *Voprosy ekonomiki*, vol. 10, pp. 47-65, Moscow, Russia.

12. Vudford, M. (2010), “The rapprochement of the views in the macroeconomics: elements of the new synthesis”, *Voprosy ekonomiki*, vol. 10, pp. 17-30, Moscow, Russia.

13. Rubinshtein, A. (2010), *Rozhdenie teorii: razgovory s izvestnymi ekonomistami* [Origination of a theory: conversations with known economists], Ekonomika, Moscow, Russia.

14. Tarasevich, V. (2014), *Ekonomiko-teoreticheskoe znanie: opyt filosofsko-nauchnogo testirovaniya* [Economico-theoretic knowledge: experience of philosophic-scientific testing], Tipografia Ukraina, Dnepropetrovsk, Ukraine.

15. Rubinshtein, A. (2013), *Teoriya opekaemykh blag v optike sravnitel'noy metodologii* [Theory of the ward goods in the optics of the comparative methodology], Institut ekonomiki RAN, Moscow, Russia.

16. Libman, A. (2008), *Politiko-ekonomicheskie issledovaniya: obzor i nekotorie prilozheniya* [Political-economic researches: the survey and some supplements], Works the seminar “Theory economics, vol. II, IE RAN, Moscow, Russia.

17. *Institutsionalnaya ekonomika: Uchebnik* (2005), [Institutional economics], edited by A. Oleynik, INFRA-M, Moscow, Russia.

18. Nort, D. (1997), *Instituty, institutsionalnie izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutes, institutional changes and functioning of the economy], Nachala, Moscow, Russia.

19. North, D., Wallis, D., Waingast, B. (2011), *Nasilie i sotsialnie poriadki. Kontseptualnie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [The violence and social orders. The conception frames for interpretation the writing history of the humanity], Izd-vo Instituta Gaydara, Moscow, Russia.

20. Zaoztrovstsev, A. (2013), “Douglas North: flight from the neoclassical main stream”, *Obschestvenye nauki i sovremennost*, vol. 4, pp. 140-150, Moscow, Russia.

21. Veblen, T. (1961), *Why is Economics not an Evolutionary Science? / Veblen T. The place of Science in Modern Civilization and Other Essays*: New York, Russel and Russel, pp. 72-73.

22. Marx, K., Engels, F. *Sobranie sochineniy* [Collection of works], vol. 19, pp. 288-292.

23. Marx, K., Engels, F. *Sobranie sochineniy* [Collection of works], vol. 42, pp. 114-116.

24. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collection of works], vol. 45, p. 84.

25. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collection of works], vol. 44, p. 48.

26. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collection of works], vol. 44, p. 8.

27. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collection of works], vol. 43, p. 207.

28. Pokritan, A. (1999), “About the character of the production relations in the modern Ukraine”, *Ekonomika Ukrainy*, vol. 10, pp. 61-69, Kiev, Ukraine.

29. Yasin, E. (2006), “The state and economy at the stage of modernization”, *Voprosy ekonomiki*, vol. 4, pp. 4-30, Moscow, Russia.

Тарасевич В.М., д.е.н., професор, Національна металургійна академія України

До гносеології державного капіталізму

Статтю присвячено аналізу гносеологічної проблематики державного капіталізму. Презентоване плюралістичне бачення його різних атрибутів і модусів прихильниками головних течій та шкіл сучасної економічної думки – неокласики, кейнсіанства, інституціоналізму, марксизму, неокласично-кейнсіанського синтезу, неолібералізму, австрійської школи, поведінкової економіки, нео- й нового інституціоналізму, міжнародної (глобальної) політичної економії та ін. Увагу акцентовано на притаманних зазначеним напрямкам і школам методологічних принципах індивідуалізму, релятивізму, холізму, колективізму, комунітаризму, інституціоналізму, етатизму. Обґрунтовано пріоритетну значимість методології універсумності та інтеграціонізму для дослідження сучасного державного капіталізму в глобальному вимірі.

Ключові слова: гносеологія, державний капіталізм, неокласика, кейнсіанство, інституціоналізм, методологія, індивідуалізм, релятивізм, холізм, колективізм, комунітаризм, етатизм, універсумність, інтеграціонізм.

Tarasevich V., Doctor of Economic Science, Professor, National Metallurgical Academy of Ukraine

To the gnosiology of the state capitalism

The article contains the analysis of the gnosiology problems of the state capitalism. It is represented the plural views to its different attributes and modus by adherents of the main directions and schools of the modern economic thought – neoclassical, keynsian, institutional, marxism, neoclassical-keynsian synthesis, neoliberalism, Austrian school, behavior economics, neo- and new institutionalism, international (global) political economy and so on. The attention is accented to inherent them methodology principles individualism, relativism, holism, collectivism, communitarian, institutionalism, statism. The priority importance of the methodology universumism and integrationism for research the modern state capitalism in the global dimension.

Key words: gnosiology, state capitalism, neoclassical, keynsian, institutionalism, marxism, methodology, individualism, relativism, holism, collectivism, communitarian, statism universumism, integrationism.